

ПРОСТРАНСТВО СЕВЕРА В ЛИРИКЕ А. ГОРОДНИЦКОГО

Лев Аннинский в предисловии к сборнику А. Городницкого «Острова в океане» пишет: «Пространство грозно гудит в его стихах, притягивает, завораживает» [Анненский 1991: 7]. Пространство – как слово, понятие, категория – выделяется, подчеркивается самим поэтом. По мнению Л. Г. Пановой, подобное выделение *пространства* представляет собой редкий случай в поэзии [Панова 2003: 197]. Человек в мире Городницкого имеет дело и с *пространством* Земли, и с *соленым пространством* воды, и с *синим или желтым пространством* неба, с пространством как реальным, так и абстрактным.

В текстах А. Городницкого отразилось – в той или иной степени – пространство всего мира. Автор, по собственному признанию, «обошел все континенты света», побывав в десятках стран и в морях всех океанов мира.

Значительная часть жизни поэта связана с Севером, в том числе Крайним. После окончания Горного института геофизик А. М. Городницкий с 1957 г. на протяжении 17-ти лет работал в геологических экспедициях, освоив весь российский Север – от Кольского полуострова на западе до Чукотского – на востоке, неоднократно бывал в Арктике, в том числе в районе полюса.

Важной чертой идиостиля поэта является документальность, проявляющаяся, например, в определенности «системы координат» того или иного объекта. В поэтических текстах фиксируются многочисленные географические реалии, обозначенные собственными именами: острова и полуострова (Вайгач, Тыртов, Новая Земля, Северная Земля, Грумант (Шпицберген), Ямал; реки (Енисей, Обь, Лена, Печора, Колыма, Курейка, Северная Двина, Северная); моря (Карское, Лаптевых, Белое); населенные пункты (Салехард, Игарка, Туруханск, Тикси, Ермаково) и т. д. В ряде случаев указывается местоположение географического объекта, например:

Мы встретимся с тобой
На острове Вайгач
Меж старою и Новою Землей.

Указание на местонахождение пространственного объекта может быть представлено в образном виде. Приведем пример из «Карского моря»:

Море, хмурое спросонья, по-английски Кара Си,
Обжигает жидкой солью необжитый край Руси.
И Сибирь, в снега одета, словно мерин голубой,
Припадает к соли этой жадной Обскою губой.
Повернув на север дышло, рвется плоть ее громад
В океан, где смертью дышит неприветливый Грумант.
Автор указывает маршруты, по которым идут суда:

Море Карское, море Лаптевых,
После – устье Колымы.

Плывут суда через Югорский Шар
К ненаселенным берегам Ямала.

Пространство Севера, пространство его природы особо значимо для поэта. Полемизируя с известным утверждением относительно зарождения авторской песни на московских кухнях, Городницкий пишет:

Мы начинали не с кухонь московских –
С тундры, скорее, и с чахлой тайги.

В пространстве Севера А. Городницкого выделяется несколько областей: пространство тундры, пространство леса/тайги, пространство берега, водное пространство.

Пространство *тундры* характеризуется у поэта признаками обширности и незамкнутости (даже если речь идет об острове, находящемся в тундровой зоне). Данные свойства пространства в художественной системе А. Городницкого квалифицируются как положительные. Пространство же небольшое и замкнутое позитивно в единственном случае – если речь идет о судне (именно судно в мире Городницкого выполняет функцию дома героя). На обширность тундрового пространства указывается как напрямую, так и опосредованно (упоминание о длительности и сложности пути).

Пространство тундры показано в разные времена года, смена которых обуславливает различие ее обликов. Зимняя тундра представляет собой заснеженное пространство, отличающееся отсутствием цветовой гаммы (белый цвет; о северном сиянии практически не упоминается) непроявленностью звуковой характеристики как неодушевленных, так и одушевленных объектов (автор говорит о тихом падении снега, о «тишине замерзающих рек», об «осторожном вое» собак). Динамическая характеристика также не проявлена: в единичных случаях упоминается о движении саней, причем выюга заносит эти следы, уничтожая память о движении.

Отметим, что обширное белое пространство у Городницкого последовательно ассоциируется со смертью. Соответствующая ассоциация проявляется в песне «Перелетные ангелы», посвященной жертвам сталинских репрессий. Ангелы направляются за душами погибших в северных лагерях:

Перелетные ангелы летят на север,
И тяжелые крылья над тундрой поют.

Однако тундра, оказываясь местом смерти, связана одновременно и с продолжающимся бытием. Темой стихотворения «Обычай» является распространенный у северных народов похоронный обряд – оставление умершего на нартах с запасом пороха, спичек и пищи; человека не хоронят, а отправляют в путь:

И едут дальше, ибо жизнь в походе,
И недоступен смерти край такой,
Где вечен путь, и солнце не заходит,
И мертвым не даруется покой.

Пространство летней тундры изображено исполненной жизни. Оно представляется живописным, многокрасочным. В песне «Тени тундры» функцию рассказа о тундре выполняет рисунок, создаваемый сначала карандашом (изображение теней облака, птицы и оленя), а затем красками:

Затем, покончив с этим трудным делом,
Оставив место для ромашек белым,
Весь прочий лист закрасил бы я смело
Зеленой краской, радостной для глаз.

А после, выбрав кисточку потоньше
И осторожно краску взяв на кончик,
Я синим бы раскрасил колокольчик
И этим бы закончил свой рассказ.

В «Острове Вайгач» растения создают цветовую и обонятельную характеристику пространства:

...Ромашки источают запах меда,
Цвет лютиков – пронзителен и желт,
И колокольчик от росы тяжел...
Дымится тундра. В солнечном луче
Пылают травы, словно изумруды.

Мир тундры пронизан светом почти незаходящего солнца. Картина летней тундры исполнена звучания и движения: упоминается о криках птиц, иногда громких («птицы перелетные орут»), лае собак, движениях птиц, оленей, облаков.

Если пространство зимней тундры представляется плоским, то летней – объемным (упоминание о воздухе, пронизанном солнечным светом, небе).

Летняя тундра являет собой образ идеального мира, для которого значима красота и гармония природы. Именно созерцание тундры приводит героя к выводу: «Мир устроен празднично и мудро».

Поэт обращает внимание на недолговечность летнего расцвета тундры (лето измеряется поэтом в днях и секундах), на смену которому приходят тьма и холод полярной ночи:

Пройдет неделя – упадет трава,
Во тьму и холод канут острова...
Недолог праздник середины лета.

По-видимому, именно образ летней тундры лег в основу появившегося в более поздних стихах, в философской лирике, обобщенно-

го образа чудесного и недолговечного мира, жизни, которая «бесмысленна, недолга и прекрасна».

Пространство леса представлено у Городницкого двумя видами: это леса северо-запада России и сибирская тайга, в которой автору довелось работать в течение ряда геологических сезонов. Образ леса в текстах Городницкого редок (значительно чаще – образы деревьев, воспринимаемых как отдельные сущности). В мифологическом сознании лес, как известно, амбивалентен. С одной стороны, он предстает местом укрытия от мирской суеты, выполняющая охранительную функцию. В творчестве классиков авторской песни лес обычно позитивен, доброжелателен к людям, находится в гармонии с теми, кто с радостью приходит из городов на лесные тропы (как, например, у Визбора). С другой стороны, лес принадлежит дикой, неупорядоченной природе, он полон тайн и опасностей для человека.

Почти во всех случаях обращения поэта к образу леса актуализируется отрицательная семантика. Уже в самых ранних текстах Городницкого появляется образ тайги как дискомфортного для человека пространства. Например, герои «Попутной» (1958 г.) пребывают в обстановке, усиливающей их тоску о любимых:

Осенней дождливой порою
Лишь ветер гудит над тайгою
Да капли одна за другою
Стучат, стучат, стучат.

Тайга морочит человека, мешает ему адекватно воспринимать мир:

Я, таежной глушью заверченный,
От метелей совсем ослеп.

Главная ипостась тайги (и леса в целом) у Городницкого – место муки и смерти, ловушка, тюрьма. (Личные обстоятельства: в тайге на Городницкого покушались – ударили в спину ножом; в тайге он сам стрелял в человека – и потом написал стихотворение с рефреном «Я стрелял из карабина – Слава Богу, не попал»; в тайге погиб его друг и т. д.). Герой стихотворения «Я в юности раз заблудился в горячей тайге...», отражающего реальный эпизод из жизни поэта, плутает «в раскаленной пурге», не находя выхода, – и потом постоянно возвращается в мыслях к этому эпизоду в опасных жизненных ситуациях.

Образ тайги участвует в развертывании темы репрессий. Лес предстает тюрьмой для узников ГУЛАГа (что отражено в ряде текстов), попадающих в «непролазные дебри тайги» и не видящих выхода. В тайге Городницкого обнаруживаются не красоты природы, а бараки у «мертвой дороги» «Салехард – Игарка», «где пути вместо шпал замостили телами». С волей, свободой лес не ассоциируется.

В «Балладе о спасенной тюрьме» поэт описывает реальный случай, свидетелем которого он был (в 1962 г.). Во время пожара, практически полностью уничтожившего деревянную Игарку, одним из немногих уцелевших зданий оказалась тюрьма, спасенная от пожара заключенными. Поэта поразило то, что ни один узник не попытался воспользоваться ситуацией и бежать.

Куда бежать? И этот лес зеленый,
И Енисей, мерцавший вдалеке,
Им виделись одной огромной зоной,
Граница у которой на замке.

В этом стихотворении автор обращается к важнейшей для него теме рабства человека – и рабства в человеке, привычки к зависимому состоянию, которая представляется неискоренимой:

Когда я с оппонентами моими
Спор завожу о будущих веках,
Я вижу небо в сумеречном дыме
И заключенных с ведрами в руках.

В «Северной Двине» идиллическое лесное царство, расположенное «над белою водой // Под берестою северного неба», предстает зловещим:

И таинство полноты тишины
Над неизбывным половодьем света,
Где сосны не отбрасывают тени
И красок нет – лишь чернь да серебро.
Лесное царство пересыльных тюрем,
Владения зловещего ГУЛАГа,
Места захоронений безымянных,
И вышки зон, и постоянный день,
Как в камере, где свет не гасят ночью,
Бессонница, что многодневной пыткой
Пытает обескровленный народ.

Северный лес получает достаточно скупые характеристики: цветотона – единственная (зеленый); выделен признак дикости (глушь, непролазные дебри). Практически не упоминается о населяющих его животных и птицах. Из растений отмечены сосны (впрочем, как *деревья*, а не составляющая леса). Таким образом, лес имеет не только функцию тюрьмы, но и ее признаки: статичность, беззвучность, бескрасочность, безжизненность.

Особый вид северного пространства у Городницкого – пространство *берега*. Граница земли и воды весьма значима для творчества поэта («Берег – название одного из сборников»). В отличие от тундры и тайги, берег созерцается героем извне, со стороны – с борта плывущего судна.

Главные особенности берегового пространства – его ровность, незаполненность и безжизненность. Повторяющаяся характеристика берега – «плоский» (плоские беломорские берега, плоские скалы, бухты плоские). Это пространство характеризуется как пустое, незаселенное; соответствующие лексемы также повторяемы (острова пустые, бухты пусты). На них практически отсутствует флора и фауна:

Стороною облетают птицы
Плоские обветренные скалы,
Стороной суда проносит море,
Стороною проплывает рыба.

Наиболее проявлены названные свойства в описаниях островов, находящихся в северных морях. Берега, постоянно видимые с палубы судна, ассоциируются с чем-то мрачным и даже inferнальным, что отражено в сравнениях: «Острова кругом, как преступники, // Цепью скованы одной»; «Целый день еще и целый вечер, // Скучного не изменяя вида, // Будут плыть они, кружась, навстречу, // Как причалы мрачного Аида»; «Облик берегов уныл и горек, // Словно после ядерного взрыва». На этих берегах словно лежит тень от ядерных взрывов на острове Новая Земля. Судьба северных берегов и вод определяется, по Городницкому, семантикой названия Карского моря. По данным этимологических словарей, словом «кара» издавна обозначалось возмездие.

Имя Кара
Угрожает Божьей карой,
Океан лишает жизни
Закрутившись черным джином

Не один десяток лет
Красит воду в черный цвет,
Силой ядерною злой,
Над базальтовой скалой.

Облик северных берегов символизирует как прошлое, так и будущее земли: «...И глядим, какой была планета // И какой, быть может, будет снова».

Возмездие адресуется человечеству, виновному в убийствах и конкретных людей (чайка выкликает из тумана имя Колчака), и людей вообще, и самой природы.

Образ воды, омывающей северное побережье России, связан с темами смерти и вечности. Прослеживание пути героя Городницкого вдоль северных берегов страны – от крайнего запада (устье Северной Двины) до крайнего востока (мыс Дежнева) позволяет утверждать, что водное пространство простирается у поэта в область небытия, в вечность.

Два примера. Северная Двина –

Единственная русская река, в российское впадающее море,
откуда путь уходит в никуда – навстречу льду, безмолвию и мраку.

Пролив Югорский Шар:

И, приближая в лодке старика, Шумит пролив – бурливая река,
Студеная дымящаяся Лета.

Роль пространства у классиков авторской песни во многом определяется спецификой героя-путника или бродяги, в котором можно узнать традиционного для русской культуры странника, образ которого претерпел в рамках жанра определенную трансформацию. Герой Городницкого имеет мало общего с типичным для туристских песен бродягой, что не в последнюю очередь связано с целями и характером освоения им пространства. Например, у Городницкого пространство практически не представлено в качестве места отдыха. Земля Севера – объект изысканий геолога:

По мерзлой земле мы идем за теплом,
За белым металлом, за синим углем,
За синим углем – не за длинным рублем.

Северная земля крайне редко (в «лета быстрые секунды») предстает эстетически привлекательным для героя объектом. Однако самый неудобный, «неприглядный» край севера предстает чем-то ценным для человека, считающего эту землю родиной:

Кому-то родина и здесь, где дерево расти не может,
Где и олени обезножат в пути. Должно быть, что-то есть
В холодной, плоской и пустой земле, бесплодной, как старуха,
Для глаза местного и уха.

Отметим, что подобное представление о родине близко Городницкому. Образ России в его стихах зачастую непривлекателен: человеку там дискомфортно – холодно, неудобно; земля, на которой он живет, сурова к нему. Вместе с тем он желает не только прожить жизнь, но и умереть именно в этом пространстве. Образ Севера вписывается у Городницкого в более глобальный образ – Родины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский Л. Шестидесятник в восьмидесятых // Городницкий А. Острова в океане. М., 1991.
2. Городницкий А. Стихи и песни. СПб, 1999.
3. Городницкий А. Сочинения. М., 2000.
4. Панова Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М., 2003.